

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
83/4 (2023), 929–933
© The Author(s) 2023

Вестник древней истории
83/4 (2023), 929–933
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.31857/S032103910023553-1

J. GERRISH. Sallust's Histories and Triumviral Historiography: Confronting the End of History. London—New York: Routledge, 2019. X, 158 p. ISBN 978-1-138-21856-7

Монография Дженнифер Герриш является результатом коренной переработки ее диссертации, так что перед нами, в сущности, новое сочинение. В центре книги, как следует из ее названия, находится последнее произведение Саллюстия. В конце своего творческого пути он перешел от «монографий» к анналистике, поскольку данный жанр предоставлял более широкое тематическое поле и большую свободу повествования.

«История» интересует Герриш прежде всего как образец историографии, основанной на аллюзиях (allusive history). Исследовательница предлагает новое прочтение этого труда, трактуя его не как попытку автора спрятаться от действительности в прошлом или будущем, а как реакцию на настоящее. Такого рода историография «тренирует» читателя, помогая ему правильно понимать настоящее, т.е. события эпохи триумвиров, чью деятельность Саллюстий, несомненно, осуждал и с пропагандой которых спорил. В мире, где ценность примеров прошлого оказалась поставлена под сомнение, дидактическая история была бесполезна. В этом одна из главных причин того, что в прологе к «Истории» нет защиты историописания: ясная формулировка цели труда оказалась бы контрпродуктивна. (Суждение спорное, если учесть, что введение к «Истории» дошло до нас не полностью.) «Саллюстий находился, по-видимому, в наилучшем положении, чем кто-либо, чтобы принять на себя роль защитника исторической истины. Его политический опыт давал ему основания для анализа, тогда как его отстраненность от публичной жизни создавала видимость объективности» (с. 2–3).

Древние авторы любили проводить параллели между событиями. При этом надо различать исторические аллюзии и интертекстуальные отсылки (аллюзии на более ранние рассказы об исторических событиях) или повторение историографических тропов. В случае с Саллюстием, писавшим через 40 лет после событий, это не так важно. Истории 70–60-х годов до н.э. еще создано не было, но он мог сослаться на памфлеты, речи и прочие материалы, нам уже недоступные. Дело усложняется тем, что различные персонажи или эпизоды могут порождать различные параллели, как в «Энеиде», по наблюдениям Дж. Гриффина, Дидона может «быть» и Клеопатрой, и Навсикаей, и Калипсо, и даже Медеей. Впрочем, в монографии эта «многоуровневость» образов «Истории» практически не прослеживается.

Подобно Фукидиду, Саллюстия тревожил контраст между словами и делами (см. *Cat.* 38. 2; 52. 11). То же мы наблюдаем и в «Истории» (I. 12M) — людей стали причислять к порядочным (*pro bono dicebatur*) не за заслуги, а за богатство и возможность творить несправедливости. Это тем важнее, что «обличение Саллюстием триумвиров направлено острием против их энергичных и явно лживых претензий на установление мира и согласия и даже сейчас напоминает нам о живучести и полезности истории перед лицом деспотического режима» (с. 5). Впрочем, как признает Герриш, триумвиры явно не преследовали авторов «крамольных» сочинений так, как это делал Нерон, а потому не похоже, чтобы страх перед возможными последствиями сдерживал Саллюстия.

Рецензия выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01181 «Миф о “восточном деспотизме” в европейской литературной традиции (от античности до раннего Нового времени)».

На умонастроения писателя оказывало сильнейшее влияние то обстоятельство, что гражданские войны продолжались в течение всей его жизни, а потому казались ему бесконечными. По мнению Герриш, это отразилось в той роли, которую играет у Саллюстия ссора Ромула и Рема. «Первородный грех» Рима, братоубийство, теперь возродился в форме bella civilia. У Цицерона встречается разная трактовка образа Ромула. В *Rep.* I. 64 устами Сципиона Эмилиана он характеризуется как *iustus rex, optimus rex*, тогда как в *Off.* III. 41 обвиняется в братоубийстве ради единовластия. Еще более суров в оценке основателя Рима Гораций, обеспокоенный повторяемостью гражданских войн и коллективной виной за убийство Рема. У Саллюстия Ромул упоминается лишь один раз, в речи Лепида (*Hist.* I. 55. 5M), где оратор, по мнению Герриш, с помощью слов *iste* и *scaevos*¹ обращает против Суллы его попытки изображать себя вторым Ромулом (*quae cuncta scaevos iste Romulus quasi ab externis rapta tenet*). Однако автор усматривает намеки на Ромула и в других пассажах, например в *Hist.* I. 7M, где «первые раздоры (*primae dissensiones*)» у римлян произошли из-за недостатков человеческого нрава, беспокойного и неукротимого (*inquietus atque indomitum*). По мнению Герриш, здесь явно подразумевается ссора Ромула и Рема, коль скоро речь о *primae dissensio*. Усматривает она ее и в письме Митридата, называющего римлян пришлецами без отечества, добывшими грабежом все, что у них есть (IV. 69. 17M). Здесь «Митридат артикулирует то, что Саллюстий избегает говорить от собственного имени: из-за дурных поступков основателя Рима склонность к раздору закрепились в характере римлян» (с. 58). Наконец, видная роль в «Истории» Гая Лициния Макра могла обуславливаться тем, что в своих «Анналах» он, видимо, подчеркивал связь между гражданскими раздорами в Риме и смертью Рема.

Все эти построения представляются весьма спорными. Вполне возможно, что реплика Лепида лишь отражает насмешки со стороны оппозиционеров, называвших Суллу «карликовым Ромулом»², а не его пропаганду³. В *Hist.* I. 7M неясно, о каких *primae dissensiones* речь, вполне возможно, что подразумеваются раздоры после изгнания Тарквиния, т.е. борьба патрициев и плебеев. Рискованно также видеть в письме Митридата отражение взглядов самого Саллюстия⁴, поскольку в цитированном пассаже он пишет, будто римляне предают и уничтожают своих союзников, что куда больше похоже на изложение антиримской пропаганды, нежели на мнение добропорядочного сенатора. К тому же о братоубийстве Ромула в письме Митридата не говорится. И уж совершенно умозрительным выглядит объяснение роли Макра в «Истории» его воззрениями на последствия убийства Рема, трактовку которых исследовательница к тому же признает лишь предположительной.

«Аллюзия, — отмечает Герриш, — сама по себе является формой повторения». Обращаясь с ее помощью к конфликтам своего времени, Саллюстий тем самым подчеркивает повторяющийся характер гражданских войн; он доводит историю римской смуты до своих дней и отсылает к неизвестному будущему (с. 48).

Как же события 30-х годов отражаются в изложении Саллюстия? Достаточно вспомнить начало «Истории» — смерть диктатора, возобновление гражданской войны и т.д. Если же рассматривать вопрос детальнее, то мятеж Лепида, например, обнаруживает значительное сходство с Перузинской войной: и то, и другое произошло в Этрурии, в обоих случаях важнейшей причиной стало недовольство италиейцев. Речь Филиппа против Лепида перекликается с цicerоновскими филиппиками, причем Филипп добивался экстраординарного командования для Помпея, как и Цицерон — для Октавиана, оба ссылались на угрозу *res publica*, ускоряя тем самым ее падение. При этом и в 70-х, и в 30-х годах до н.э. действуют представители одних и тех же фамилий. Преступления, осуждаемые в речи Лепида, продолжали совершаться и во времена написания «Истории». Филипп критикует те же действия Лепида, которые позволял себе его внучатый пасынок Октавиан, прежде всего марш на Рим. При этом один из коллег последнего по триумвирату — сын этого Лепида⁵.

¹ Герриш учитывает и обсуждавшийся в литературе вариант *saevus* (с. 67, прим. 129).

² Keaveney 2005, 159. Это мнение осталось Герриш неизвестным.

³ Точка зрения весьма распространенная, см. Fündling 2010, 153, 184, Anm. 120 (с библиографией).

⁴ См. La Penna 1963, 249–254.

⁵ Удивительным образом упускается из виду параллель с Мутинской войной, которая напращивается среди прочего и в указанном контексте — оба раза в Мутине оказались осаждены Бруты (Perl 1969, 212).

Как уже говорилось, одна из важнейших задач Саллюстия, по мнению Герриш, — опровержение пропаганды триумвиров. Октавиан изображал *bellum Perusinum* как войну с интриганкой Фульвией, а не настоящими римлянами, противостояние же Сексту Помпею — как борьбу с рабами и пиратами (Саллюстий же бросает вызов такому его изображению). При этом *pietas* последнего ставилась под сомнение, ибо отец Секста сам боролся с пиратами, и истинным наследником Помпея оказывался молодой Цезарь. Он использовал «неисториографические» средства вроде эпиграмм и памфлетов, тем самым «превентивно» выполняя работу историка. Пропаганда Октавиана была агрессивной и, что важнее, «авторской», особенно когда позднее он написал мемуары.

В этом контексте интересен образ Сертория. О последнем, как считает Саллюстий, писали мало, и в «Истории» он избавляет его имя от забвения. В то же время Серторий способен написать свою историю иными средствами, ставя тем самым под вопрос необходимость усилий *scriptores rerum* — он радуется (*laetabatur*) своим ранам, и особенно выбитому в боях глазу, знакам его доблести, создавая таким образом своего рода *self-narrative*. Между тем упомянутый глагол *laetari* и производные от него часто имеют у Саллюстия отрицательные коннотации, указывая на неумеренное или неуместное веселье. Т.е. можно полагать, что радость Сертория в глазах Саллюстия неуместна, и даже вызывает тревогу, как и попытки тех его современников, которые хотели «контролировать собственный имидж» и, в сущности, «писать» собственную историю. Между тем позиция Сертория в этом смысле очень уязвима, ибо созданный им *self-narrative* исчезнет с его телом и ему все равно понадобится свой *scriptor rerum*.

Роль историка узурпировал, подобно Серторию и Октавиану, и Помпей. С одной стороны, у него был собственный историограф Феофан Митиленский, с другой — он и напрямую вмешивался в формирование нарратива о себе: в письме сенату (хотя, признает Герриш, неясно, насколько оно отражает подлинное) Помпей представлял победы над Серторием как победы над внешним врагом (см. *Flor.* III. 22. 1), ту же идею выражал и трофей, поставленный Помпеем в Пиренеях. Это и понятно: за победу в гражданской войне он не получил бы триумфа, да и римляне слишком устали от смут, чтобы напоминать им о ней.

Думается, однако, что ни Сертория, ни Помпея Саллюстий не считал посягавшими на ценность труда историка, поскольку ни гордость собственными ранами, ни возведение трофея никак не противоречили идее историописания. В тексте Саллюстия ничто не подтверждает точку зрения Герриш, а ссылка на отрицательные коннотации глагола *laetari* ничего не доказывает, поскольку он имел и вполне положительные оттенки (*Sall. Cat.* 46. 2; *Iug.* 14. 10).

Обличение Помпея является одной из важнейших тем «Истории». Саллюстий видел главный вред от его деятельности в том, что полководец желал отстаивать свои интересы за счет интересов государства, и в легкости, с которой он обращался к угрозам для запугивания сената — достаточно вспомнить, как он предупреждал в письме сенату (*Hist.* II. 98. 10M), что вернется с армией в Италию, если не получит требуемой помощи. Экстраординарная карьера Помпея обнаруживает явные параллели с аналогичной карьерой Октавиана. Для Помпея у Саллюстия характерны не только непомерные амбиции, но и притворство, расхождение между претензиями и реальностью: *ogis probi, animo inverecundo* (II. 16M), т.е. был не тем, за кого себя выдавал — очередной пример расхождения между словом и делом.

Зато Спартак, в отличие от Помпея и Октавиана, в историке нуждается. Он — одна из центральных фигур «Истории», причем описывает его Саллюстий иначе, чем Диодор Эвна и Сальвия, стереотипных восточных варваров с их магией и трюками для обмана толпы. О Спартаке вообще писали мало, и при формировании его образа у Саллюстия был куда больший простор. Он спасает вождя восставших рабов от забвения, испытывая к нему некоторую симпатию, и «его портрет Спартака может означать сохранение некоторого оптимизма по поводу ценности историописания» (с. 92). Саллюстий показывает, что историк по-прежнему способен возвеличивать или ввергать в забвение, поднимая беглого гладиатора до крупной фигуры в своем *opus magnum*.

Кроме того, Спартак не изображается как единоличный руководитель движения, подобно Эвну и Сальвию, — он ссорится со своими соратниками Ганником и Кастом (своего рода триумвират), из-за раздоров в лагере повстанцев гибнет Крикс. Рабы терпят поражение по тем же причинам, по которым распадалось и римское государство. Таким образом, в «Истории» восставших рабов — модель того же процесса, от которого страдала и Республика, *seditiones*, тогда как Цицерон считал, что они необходимы были для жизнеспособности Республики (*De or.* II. 199).

Описание Спартаковской войны дает повод для интересного экскурса, посвященного Скилле. Он примечателен тем, что эта скала находится на Сицилии, куда восстание *не* перенеслось. Скилла — подходящий образ для рассказа о гражданской войне, поскольку ее тело находится в войне с самим собой. Кроме того, по мнению Герриш, это явный намек на Секста Помпея, который чеканил изображение Скиллы на монетах — знак его власти на морях. Младший Помпей, полагает она, сравнивается со Спартаксом, так как угроза со стороны обоих стабильности *res publica*, по мысли Саллюстия, недооценивалась их оппонентами. Думается, однако, что источники для такого вывода оснований не дают и куда более вероятно параллель между Секстом Помпеем и Серторием, оставшаяся Герриш неизвестной⁶.

Интересен и другой экскурс — об Островах Блаженных. На них действие также не переносится, Саллюстия же они могли интересовать с точки зрения альтернативной истории: ведь если бы Серторий отправился на них, то не появилось бы необходимости посылать в Испанию Помпея в неслыханном для несенатора ранге проконсула, что стало трамплином для его дальнейшего возвышения, оказавшегося столь пагубным для Республики. Однако Саллюстий, по мысли Герриш, приходит к неутешительному выводу, что Помпей нашел бы другой случай выдвинуться, не говоря уже об иных претендентах на высшую власть. Но эта трактовка не находит подтверждения в тексте источника, и куда вероятнее, что речь шла, как и у Горация, об Островах Блаженных как о символе максимального дистанцирования от гражданских смут.

В заключении отмечается, что «История» проникнута духом бессилия, отчаяния и безнадежности. Саллюстий слишком поздно занялся биографией Помпея, чье восхождение к вершинам власти так навредило Республике, как запоздала и его попытка обратить внимание на взлет Октавиана. Но он также знал, что из-за особенностей человеческой природы подобные кризисы повторяются, а потому его последний труд мог пригодиться в будущем. Поэтому, несмотря на пессимизм Саллюстия, «История», по мысли исследовательницы, свидетельствует о вере автора в важность и ценность историописания.

Попытка Герриш выяснить характер «Истории» представляется весьма интересной, особенно если учесть плохую сохранность ее текста. Многие соображения автора о параллелях между событиями 70-х и 30-х годов до н.э. в последнем сочинении Саллюстия, равно как и о критике триумвиров (прежде всего Октавиана), очень полезны и побуждают к его дальнейшему осмыслению. Весьма плодотворна и гипотеза о влиянии на настроения Саллюстия его восприятия гражданских войн как феномена постоянно повторяющегося и, по сути, бесконечного. В то же время главная мысль Герриш об «Истории» как о труде, основанном на аллюзиях с целью критики триумвиров и их попыток создавать свой образ действительности, как представляется, ее текстом, да и характером мышления Саллюстия не подтверждается. Учитывая масштаб и специфику событий 80—60-х годов до н.э., трудно представить, чтобы для Саллюстия они служили лишь параллелями происходившему в 40—30-е годы. Вопросы восстановления прав трибунов или хлебных дотаций для этого периода уже утратили актуальность. Неясно также, чьими прототипами (хотя бы частично) могли стать Сулла, Катул, Метелл Пий, Лукулл, Лициний Макр и другие герои Саллюстия, и Герриш на сей счет никаких предположений не высказывает, без чего ее теория еще больше теряет в убедительности. Еще более абсурдной представляется мысль автора о том, будто Помпей и Серторий, по мнению Саллюстия, подрывали значение историографии тем, что создавали собственный имидж (это тем более удивительно, что Герриш не забывает о Феофане Митиленском, создававшем «рекламу» Помпею именно методами историографии). Стоит также отметить недостаточную работу с литературой вопроса (см. прим. 2, 5, 6). Нередко концепция автора явно доминирует над материалом. Тем не менее книга Герриш представляет определенный интерес, побуждая к дальнейшим дискуссиям о последнем сочинении Саллюстия.

Литература / References

- Fündling, J. 2010: *Sulla*. Darmstadt.
 Katz, B.R. 1981: Sertorius, Caesar, and Sallust. *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae* 29, 285—314.

⁶ См. Katz 1981, 309—310.

Keaveney, A. 2005: *Sulla: The Last Republican*. London—New York.

La Penna, A. 1963: Le «*Historiae*» di Sallustio e l'interpretazione della crisi repubblicana. *Athenaeum* 51, 201—274.

Perl, G. 1969: Sallust und die Krise der römischen Republik. *Philologus* 113, 201—216.

Anton V. Korolenkov,

Pskov State University,
Pskov, Russia;
State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 22-28-01181

A.V. Korolenkov,

к.и.н.,
научный сотрудник лаборатории
«Центр комплексного изучения
проблем региональной
безопасности» Псковского
государственного университета,

Псков, Россия;
доцент Государственного академического
университета гуманитарных наук,
Москва, Россия